

День независимости

Продолжаем публиковать «роман в колонках» журналиста Олега Кашина. Все персонажи вымышлены, все совпадения случайны

Глава 4

Кафельные стены бегемотника были такими же голубыми, как небо в хорошую погоду, и Глясик мог бы об этом задуматься, если бы он хотя бы однажды видел настоящее небо, но на улицу его еще ни разу в жизни не водили, и этот кафель и был его небом, другого неба Глясик не знал.

Есть не хотелось, болел зуб. Даже не зуб, а щека; последние несколько недель в щеку впивался растущий зуб — наверное, мудрости, если бы Глясику была свойственна мудрость, но бегемот был еще слишком молод, чтобы о чем-нибудь думать вообще. Он даже не знал, что боль в его щеке отзывается далеко за пределами его молодого бегемотьего организма, причем далеко — не только в пространстве, но и во времени.

Слушай, Глясик, и запоминай. Сначала про время. Ты, может быть, не знал, но ты принадлежишь к самому благородному роду бегемотов в Российской Федерации. Твоей заслуги здесь, конечно, нет, у тебя вообще нет пока никакой биографии, но твой прапрапрадед Ганс был настолько важной персоной, что когда Красная армия штурмовала Кенигсберг, по его, Ганса, поводу был специальный приказ Сталина — брат живым, а, скажем, по поводу гарнизонного коменданта Отто фон Ляша такого приказа не было. Отто фон Ляша можно было и пристрелить, а Ганса было приказано спасти, потому что Ганс был таким же драгоценным достоянием этой земли, как Янтарная комната или могила философа-идеалиста Канта.

